

В. Г. Белинский

**Стихотворения М.
Лермонтова**

Виссарион Григорьевич Белинский

Стихотворения М. Лермонтова

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2779355*

Аннотация

«...Что же такое поэзия? – спрашиваете вы, желая скорее услышать решение интересного для вас вопроса или, может быть, лукаво желая привести нас в смущение от сознания нашего бессилия решить столь важный и трудный вопрос... То или другое – все равно; но прежде, чем мы вам ответим, сделаем вопрос и вам, в свою очередь. Скажите: как назвать. то, чем отличается лицо человека от восковой фигуры, которая чем с большим искусством сделана, чем похожее на лицо живого человека, – тем большее возбуждает в нас отвращение? Скажите: чем отличается лицо живого человека от лица покойника? – Ведь форма одинаково правильна в том и другом, те же части и та же ответственность и стройность в частях?...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Комментарии

Виссарион Григорьевич Белинский Стихотворения М. Лермонтова

*Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный
Отзывной песнью отвечай!*

Веневитинов⁽¹⁾

Все говорят о поэзии, все требуют поэзии. По-видимому, это слово для всех имеет такое ясное и определенное значение, как, например, слово «хлеб» или еще более – слово «деньги». Но когда только двое начнут объяснять один другому, что каждый из них понимает под словом «поэзия», то и выходит на поверку, что один называет поэзией воду, другой – огонь. Что ж, если бы все-то так называемые любители поэзии заговорили о предмете своей любви! Это была бы настоящая картина вавилонского смешения языков! И очень естественно: если трудно определить поэзию ученым образом, то еще труднее намекнуть на ее значение повседневным языком общества, всем и каждому равно понятным. Если б вам и удалось это, вы все-таки удовлетворите только

людей, которые с вами симпатизируют, которые одинаково с вами настроены. В самом деле, если я под словом «поэзия» разумею размеренные и зарифменные строчки, заключающие в себе правила добронравия и добродетели, то как вы убедите меня, что поэзия есть воспроизведение, живопись явлений жизни? Если я под словом «идеализирование» разумею представление действительности совсем не так, как она есть, – ходули мыслей, дыбы чувства, то как уверите вы меня, что «идеализирование» действительности есть только подчинение взятых из нее материалов известной цели, извлечение из нее, так сказать, ее сущности и сочленение в живое и органическое целое разнородных, по-видимому, частей? Если я под словом «вдохновение» разумею нравственное опьянение, как бы от приема опиума или действия винного хмеля, иступление чувств, горячку страсти, которые заставляют непризванного поэта изображать предметы в каком-то безумном кружении, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами речи, придавать обыкновенным словам насильственное значение, – то как вразумите вы меня, что «вдохновение» есть состояние духовного ясновидения, кроткого, но глубокого созерцания таинства жизни, что оно, как бы магическим жезлом, вызывает из недоступной чувствам области мысли светлые образы, полные жизни и глубокого значения, и окружающую нас действительность, нередко мрачную и нестройную, являет просветленную и гармоническую?.. Поэзия и наука тождествен-

ны, если под наукою должно разуметь не одни схемы знания, но сознание кроющейся в них мысли. Поэзия и наука тождественны, как постигаемые не одною какою-нибудь из способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовного существа, выражаемую словом «разум». В этом отношении они резкою чертою отделяются от так называемых «точных» наук, не требующих ничего, кроме рассудка, и разве еще воображения. Можно быть очень умным человеком и не понимать поэзии, считать ее за вздор, за побрякушку рифм, которою забавляются праздные и слабоумные люди; но нельзя быть умным человеком и не сознавать в себе возможности постичь значение, например, математики и сделать в ней, при усиленном труде, большие или меньшие успехи. Можно быть умным, даже очень умным человеком и не понимать, что хорошего в «Илиаде», «Макбете» или лирическом стихотворении Пушкина; но нельзя быть умным человеком и не понимать, что два, умноженные на два, составляют четыре или что две параллельные линии никогда не сойдутся, хотя бы продолжены были в бесконечность. Ясно, что под словом «точных» истин понимаются те истины, которых очевидности и непреложности не может не признать ни один человек в мире, не лишенный здравого смысла, прежде всего отличающего людей от животных. В этом отношении наука, в высшем ее значении, т. е. философия, и поэзия – повторяем – тождественны: та и другая равно далеки от того, что имеет хотя вид «точности». Но в хаотической борьбе и проти-

воположности понятий, убеждений и вкусов насчет произведений искусства внимательный взор открывает, как и во всех великих явлениях жизни, торжество единства, которое тем выше и поразительнее торжества «точности», чем, по видимому, неопределеннее и неуловимее для рассудка сущность искусства. Океан времени, смывший с лица земли греческие республики, вынес имена: Гомера, Гезиода, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона, – и теперь все, считающие себя участниками даров вдохновения, охотно или поневоле, все-таки дивятся этим именам. Удачно сделанная копия с Аполлона Бельведерского^[2] возбуждает всеобщий восторг, а оригиналам, состоящим из двух кусков мрамора, нет цены. Невежды, зевающие от драм Шекспира и втайне предпочитающие им мыльные пузыри водевилей, вслух хвалят Шекспира и оскорбляются, если с ним сравнивают кого бы то ни было. Но это работа времени: в пестроте современности торжество единства мнения еще поразительнее, ибо оно есть вместе и торжество разумности над близорукою ограниченностью, над борьбою мелких страстей. Пушкин явился у нас во времена классической неподвижности, и потому как благосклонно и приветливо встретило его молодое поколение, так неприязненно и сурово приняло его старое поколение, и в особенности записные поэты, литераторы и словесники того времени. Но истина взяла свое, – и, несмотря на смешанные крики и ожесточенные споры, *общее мнение* тотчас же превознесло имя молодого поэта превыше всех поэтических

лауреатов, прежде его и при нем бывших.

Но это торжество единства над разнообразием и противоречием во мнениях о таком неопределенном и неточном предмете, каково искусство, выходит не из множества, не из толпы, но от немногих и избранных переходит в толпу. Не все могут и не все должны понимать изящное; его понимают только немногие избранные. Кто по натуре своей есть дух от духа, – тот по праву рождения причастен всех даров духа, недоступных плоти и ее душе – рассудку. *Рассудок* ставит человека выше всех животных; но только *разум* делает его человеком по превосходству. Рассудок не шагает далее «точных» наук и не понимает ничего, выходящего из тесного круга «полезного» и «насущного»; разум же объемлет бесконечную сферу сверхопытного и сверхчувственного, делает ясным непостижимое, очевидным – неопределенное, определенным – «неточное». Искусство принадлежит к этой сфере бытия, доступной только разуму, – и потому понимать поэзию нельзя выучиться, так же, как нельзя выучиться писать стихи. Восприимлемость впечатлений изящного есть своего рода талант: она не приобретается ни наукою, ни образованием, ни упражнением, но дается природою. Постигание поэзии есть откровение духа, а таинство откровения сокрывается в натуре человека; между тем, известно, что природы людей разнообразны до бесконечности и представляют собою бесконечную лестницу с бесконечными ступенями – снизу вверх или сверху вниз, смотря по тому, с которого конца бу-

дете смотреть на нее. Поэзия первоначально воспринимается сердцем и уже им передается голове. Потому, чье сердце жестко и черство от природы для восприятия впечатлений изящного, – окружите его с малолетства произведениями искусства, толкуйте ему целую жизнь о поэзии, – он приобретет только навык к ее формам и приучится судить о их внешней отделке; но сущность творчества навсегда останется для него тайною, которой он и подозревать не будет. И таких людей, чуждых поэзии по натуре своей, несравненно больше, чем людей, одаренных инстинктом изящного. Почему же это? – Потому же, почему число художников относится к толпе, как единица к миллиону. – А почему же существует это отношение? На такой вопрос дает превосходный ответ Моцарт Пушкина, говоря Сальери:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

Обыкновенно, толпа так же холодна и равнодушна к искусству, как привержена и предана пользе; – и поэт имеет полное право, в порыве благородного негодования, отвечать

на ее бессмысленные крики:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все – на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский:
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. Так что же!
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь...

Но чем равнодушнее и холоднее толпа к делу искусства, тем выше и поразительнее торжество искусства над толпою: невольно подчиняясь влиянию избранников природы, оно признает его *автономию*¹, несмотря на его «неточность», и тем самым делает явным единодержавие разума. И поэт, существо, называющее пользу – этот идол толпы – презренною, поэт возбуждает к себе суеверное удивление толпы, собирает дань ее рукоплесканий, возбуждает в ней восторг своим появлением. Это такое явление, перед которым поневоле задумается самый жаркий поклонник «полезного», постигший

¹ *Автономия* есть право предмета, основанное не на внешних уважениях, как то: пользе, предании (traditio) или постороннем авторитете, но на сущности самого предмета. Впрочем, это слово довольно удовлетворительно объяснено даже в русском «Энциклопедическом лексиконе». Любопытные могут справиться в первом его томе.

всю глубину «точной» премудрости...

Итак, оставим в стороне всех врагов изящного; забудем о равнодушии толпы к делу искусства и не будем бояться, что одни нас не поймут, другие с нами не согласятся, а третьи будут над нами смеяться, – и возвратимся к вопросу, которым мы начали статью: что такое поэзия? Только во дни кипучей и не искушенной опытами жизни юности человеку сродно питать благородное, но несбыточное желание – уверить весь свет в истине своих убеждений, одинаковым языком и с одинаковым жаром говорить со всеми о том, что доступно только некоторым, и огорчаться, что некоторые не понимают того, чего и не надо, и не нужно им понимать... Будем говорить для всех и всем, но будем надеяться только на отзыв немногих... И что ж, разве это не великое счастье – пробудить полет к высокому в иной дремлющей душе? Разве это не великое счастье – родить к себе сочувствие в сердце, которого мы никогда не знали и не узнаем, которое живет, может быть, в далеком от нас уголку этого мира, но которое от наших строк забьется в лад с нашим сердцем и, в общем человеческом интересе, сознает свое родство с нами по духу, в ознаменование торжества духа над условиями пространства и времени!..

Что же такое поэзия? – спрашиваете вы, желая скорее услышать решение интересного для вас вопроса или, может быть, лукаво желая привести нас в смущение от сознания нашего бессилия решить столь важный и трудный вопрос...

То или другое – все равно; но прежде, чем мы вам ответим, сделаем вопрос и вам, в свою очередь. Скажите: как назвать, то, чем отличается лицо человека от восковой фигуры, которая чем с большим искусством сделана, чем похожее на лицо живого человека, – тем большее возбуждает в нас отвращение? Скажите: чем отличается лицо живого человека от лица покойника? – Ведь форма одинаково правильна в том и другом, те же части и та же ответственность и стройность в частях? Отчего эти глаза так светлы, так полны смысла и разумности, что вы читаете в них какую-то мысль, что они как будто хотят сказать вам что-то задушевное и любовное; а те – так тусклы, стеклянны?.. Дело ясное: в первых есть жизнь, а во вторых ее нет. Но что же такое эта «жизнь»? Мы знаем процессы человеческого тела, знаем, что жизнь человека – в его организме, что она продолжается вместе с обращением крови в его жилах и прекращается вместе с прекращением кровообращения; но мы знаем также, что наш организм не машина, которая заводится или останавливается, подобно часам, чрез известное колесо или известный орган. И чем дальше углубимся мы в таинство организма, чем, по видимому, ближе будем к тайне жизни, – тем на самом деле будем дальше от нее, тем неуловимее будет она для нас. Но мертвые бывают и между живыми, так же как и живые между мертвыми, ибо что жизнь для животного, то смерть для человека; что жизнь для ирокеза, то смерть для европейца; что жизнь для раба житейских нужд и пользы, который ни-

чего не видит дальше удовлетворения потребностям голода и кармана или мелкого тщеславия, – то смерть для человека мыслящего и чувствующего. И что существует в идее, то выражается в формах: посмотрите, какое животное лицо у этого человека, с сонными и мутными глазами, с апатическим выражением, – толстого, одержимого одышкой, сейчас только плотно покушавшего, – и посмотрите, каким огнем сверкают черные глаза этого худощавого, бледнолицего человека, какая подвижность в его физиономии, сколько страсти в его голосе! Не правда ли, первый – мертвец; другой – полон жизни? Но жизнь бесконечно разнообразна в своих проявлениях. Тигр полон жизни в сравнении с черепахой, но жизнь его все-таки чисто органическая, животная; ее источник – горячая кровь, обильные электричеством нервы. Так и в ином человеке много жизни, но эта жизнь не покоряет вас себе неотразимым обаянием, и вы готовы сказать ей:

В ней признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Бесконечное расстояние разделяет человека страсти от человека чувства; но еще большее расстояние разделяет человека, оставшегося при одном непосредственном чувстве, от человека, в котором рабский инстинкт, хотя бы даже и благородных наклонностей, перешел в свободное сознание,

которого чувство просветлено мыслию. Нигде жизнь не является столько жизнью, как в сфере духовных интересов и разумного сознания, которые движут волею человека и поддерживают ее неистощимую деятельность: это самый пышный цвет жизни, ее высшее развитие, ее высшая ступень, это жизнь по превосходству; в сравнении с нею всякая другая, низшая степень жизни, есть настоящая смерть. Но жизнь всегда жизнь, в чем бы ни проявлялась она, на какой бы степени развития ни стояла. Неизмеримо расстояние, разделяющее духовную жизнь гения от бессознательных явлений природы, но и в природе, даже на самых низших ступенях ее развития, жизнь является святым и великим таинством. Дух человеческий с безграничным упоением прислушивается к прозябанию дольней лозы, к подводному ходу морского гада; к шелесту листьев, колеблемых в знойный полдень летним ветерком: он сознает с ними свое родство; он чувствует в них незримое присутствие, слышит в них веяние того же бессмертного духа жизни, который, подобно огню Прометееву, живет и его собственное существование. Для живого человека природа всюду является одушевленной: он слышит ее голос и в безмолвном образовании металлов, в таинственной лаборатории недр земных, и завывании ветра, — там, у полюсов, в царстве вечной зимы и смерти, на звонких льдах воздымающего пушистые вьюги; в приливе и отливе вод она видит как бы тяжелое, напряженное дыхание исполинской груди седого старца-океана... Полон таинственной думы для

души нашей чернеющийся вдали лес, и когда подходим мы к нему, нами невольно овладевает какая-то детская робость, какой-то мистический, но полный обаяния ужас, – и мы повторяем с поэтом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Эпиграф из стихотворения Д. В. Веневитинова «Я чувствую, во мне горит...».

2.

Аполлон – в древнегреческой мифологии бог солнца, покровитель искусств. Аполлон Бельведерский – скульптура, высеченная древнегреческим ваятелем Леохаром (Леохаресом) (4 в. до н. э.) и хранящаяся в Бельведерском музее в Ватикане.